

М.О. Гершензон

Исторические записки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М.О. Гершензон
М11 Исторические записки / М.О. Гершензон – М.: Книга по Требованию, 2013. – 190 с.

ISBN 978-5-458-11268-0

О русском государстве. Два отрывка из этой книги (главы 1-7 и 18-23) были раньше напечатаны в журналах ("Вестник Европы" и "Русская мысль" 1909), третий, именно шесть заключительных глав - в сборнике "Вехи". Эти последние главы здесь исправлены и дополнены.

ISBN 978-5-458-11268-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ одной изъ записныхъ книгъ Николая Ивановича Тургенева на первой, бѣлой страницѣ написаны слѣдующія строки: «Характеръ человѣка познается по той главной мысли, съ которою онъ возрастаетъ и сходитъ въ могилу. Если нѣтъ сей мысли, то нѣтъ характера».

У Ивана Кирѣевского была такая мысль, и этого одного было бы довольно, чтобы оправдать воспоминаніе о немъ, даже если бы его мысль всецѣло принадлежала прошлому. Но она жива понынѣ; она представляетъ такую большую духовную цѣнность, что забвеніе, которому предано у насъ имя Кирѣевского, можно объяснить только незнаніемъ о ней,— и ради нея-то я хочу воскресить полузабытый образъ Кирѣевского.

Понять мысль, которою жилъ Кирѣевскій, можно только въ связи съ его жизнью, потому что онъ не воплотилъ ея ни въ какомъ внѣшнемъ созданіи. Онъ ничего не *сдѣлалъ* и очень мало написалъ, да и въ томъ, что имъ написано, эта мысль скорѣе скрыта, чѣмъ выражена, какъ фундаментъ, на которомъ покоится все зданіе, но который самъ не виденъ.

Въ этомъ самомъ фактѣ, что внѣшняя дѣятельность Кирѣевского свелась къ нулю, что онъ ничего не *сдѣлалъ* и, будучи писателемъ по призванію, очень мало написалъ, заключается вся соціальная сторона его біографіи. При тѣхъ историческихъ условіяхъ, въ какихъ

жилъ Кирѣвскій, его жизнь неизбежно должна была оказаться внѣшне-безплодной. Онъ былъ лишній человекъ, какъ и всѣ передовые умы его времени: это— основной фактъ его внѣшней жизни.

Ему было 19 лѣтъ, когда вступилъ на престолъ Николай, а пережилъ онъ Николая всего на годъ съ лишнимъ; такимъ образомъ, вся его зрѣлая жизнь прошла въ жестокую пору Николаевского владычества. Онъ былъ человекъ большой нравственной силы, настойчиво искавшей себѣ примѣненія, толкавшей его въ жизнь, въ борьбу, на общественное поприще; онъ любилъ литературу беззаветно, чувствовалъ въ себѣ призваніе къ ней и много разъ, послѣ тяжелыхъ, оскорбительныхъ неудачъ, возвращался къ ней; но таковы были условия времени, что всѣ его усилія оказались тщетными и ему пришлось уйти съ горькимъ сознаніемъ праздно-прожитой жизни, такъ много обѣщавшей дѣлу добра. Я приведу краткій «послужной списокъ» Кирѣвскаго, безпримѣрный даже для Николаевской эпохи.

Онъ рано рѣшилъ посвятить себя общему благу и рано выбралъ себѣ поприще служенія — литературу. Двадцати одного года (въ 1827 г.) онъ пишетъ своему другу Кошелеву, упрекавшему его въ косности и звавшему въ Петербургъ: «Не думай, чтобы я забылъ, что я русскій, и не считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать для блага своего отечества. Нѣтъ! Всѣ силы мои посвящены ему. Но мнѣ кажется, что внѣ службы я могу быть ему полезнѣе, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литераторомъ, а содѣйствовать къ просвѣщенію народа не есть ли величайшее благодѣяніе, которое можно ему сдѣлать? На этомъ поприщѣ мои дѣйствія не будутъ бесполезны; я могу это сказать безъ самонадѣянности». И далѣе онъ развиваетъ цѣлую программу общепользующей дѣятельности, совместно

съ друзьями и съ его четырьмя братьями, которые всё будутъ литераторами, и у всёхъ будетъ отражаться одинъ духъ. «Куда бы насъ судьба ни завела и какъ бы обстоятельства ни разрознили, у насъ все будетъ общая цѣль: благо отечества, и общее средство — литература».

Дѣйствительно, уже въ 1828 году была напечатана его первая статья — о поэзіи Пушкина, очень замѣчательная для своего времени; годъ спустя, онъ напечаталъ еще болѣе замѣчательное «Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ». У него было въ это время множество самыхъ пылкихъ литературныхъ плановъ, но, по обстоятельствамъ чисто личнаго свойства, ему пришлось на время оставить литературу: любовь къ дѣвушкѣ, ставшей впоследствии его женою, и неудачное сватовство настолько потрясли его, что по совѣту врачей онъ уѣхалъ въ Германію — слушать тамошнихъ профессоровъ. Тамъ, на чужбинѣ, подъ вліяніемъ личной неудачи, онъ еще жарче прилѣпился къ мысли о дѣлѣ общественномъ. Онъ говорилъ тогда брату; «Если нѣтъ счастья, есть долгъ», а родителямъ писалъ: «На жизнь и на каждую ея минуту я смотрю какъ на чужую собственность, которая повѣрена мнѣ на честное слово и которую, слѣдовательно, я *не могу* бросить на вѣтеръ». Онъ давно лелѣялъ мысль о собственномъ журналѣ, и вотъ эта мечта осуществилась: въ январѣ 1832 года вышла первая книжка «Европейца». Кирѣевскій привлекъ блестящій кругъ сотрудниковъ: Баратынскій, Языковъ, Жуковскій, В. Одоевскій, Вяземскій, Хомяковъ, самъ Пушкинъ горячо отозвались на приглашеніе; «Европеецъ» обѣщаль стать лучшимъ русскимъ журналомъ, — но на второй же книжкѣ онъ былъ запрещенъ; третья уже и не вышла. Кирѣевскій не зналъ, что онъ давно уже на примѣтѣ у правительства. Еще

въ 1827 г. и затѣмъ вторично въ 1828-мъ, на основаніи перехваченныхъ почтою невиннѣйшихъ дружескихъ писемъ, о немъ; по предписанію изъ Петербурга, производились негласныя дознанія, между прочимъ, при помощи такихъ средствъ, какъ знакомство сыщика съ его камердинеромъ подъ предлогомъ сватовства богатой невѣсты за Кирѣевского. Поводомъ къ запрещенію журнала послужила напечатанная въ первомъ номерѣ «Европейца» статья самого Кирѣевского «Девятнадцатый вѣкъ», статья историко-философскаго содержанія, чуждая всякихъ политическихъ темъ. Резолюція принадлежала самому Николаю: онъ прочиталъ статью и увидѣлъ въ ней адскій умыселъ. «Его Величество изволилъ найти, что вся статья сія есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ *просвѣщеніе* онъ понимаетъ *свободу*, что *дѣятельность разума* означаетъ у него *революцію*, а *искусно отысканная середина* не что иное, какъ *конституція*». Въ виду этого цензоръ, пропустившій книжку, былъ подвергнутъ взысканію, а изданіе «Европейца» воспрещено, «такъ какъ издатель, г. Кирѣевскій, обнаружилъ себя человѣкомъ неблагомыслищимъ и неблагонадежнымъ».

Это было дико, чудовищно, безчеловѣчно,—но что могло здѣсь помочь? Не помогли ни оправдательная записка, представленная Кирѣевскимъ Бенкендорфу, ни энергичное заступничество Жуковскаго при дворѣ. Дѣло давно любимое и такъ хорошо наладившееся было разрушено однимъ росчеркомъ властнаго пера. Съ какимъ страстнымъ рвеніемъ Кирѣевскій приступалъ къ

изданію журнала, видно уже изъ того, что при своей неискоренимой лѣни онъ въ вышедшихъ двухъ книжкахъ помѣстилъ не менѣе пяти статей. Теперь не только журналъ былъ запрещенъ, но Кирѣвскій и вообще былъ надолго лишенъ возможности выступать въ печати. Когда въ 1834 году было разрѣшено изданіе «Московского Наблюдателя», издателю поставили непремѣннымъ условіемъ — исключить изъ программы журнала имя Кирѣвскаго, и самъ Кирѣвскій, отдавая въ «Телескопъ» свою статью о стихотвореніяхъ Языкова, не только не подписался подъ нею, но утаилъ свое авторство даже отъ ближайшихъ друзей, не исключая самого Языкова, — безъ сомнѣнія, для того, чтобы не подвести журналъ.

На одиннадцать лѣтъ умолкъ послѣ этого Кирѣвскій. Пара случайныхъ статей, въ родѣ сейчасъ названной, не можетъ идти въ счетъ, какъ и пара неоконченныхъ повѣстей, какъ и статья «Въ отвѣтъ А. С. Хомякову», написанная для прочтенія въ дружескомъ кругу и впервые напечатанная уже послѣ смерти Кирѣвскаго. Въ сороковыхъ годахъ Кирѣвскій сдѣлалъ попытку получить каѳедру философіи въ московскомъ университетѣ, тогда свободную, представилъ даже попечителю, гр. Строгонову, записку о преподаваніи логики (въ то время каѳедра философіи ограничивалась преподаваніемъ одной логики), — но изъ этого ничего не вышло: препятствіемъ явилась, повидимому, все еще лежавшая на немъ тѣнь неблагонадежности. Мечта о журналѣ не покидала Кирѣвскаго; въ ту пору журналъ являлся единственной публичной каѳедрой. Но получить разрѣшеніе на журналъ тогда было трудно. Въ 1844 году Погодинъ изъявилъ готовность передать Кирѣвскому свой «Москвитянинъ»; Кирѣвскій писалъ брату, что былъ бы счастливъ, если бы это дѣло состоялось: «я

жажду такого труда, какъ рыба еще не закаренная жаждетъ воды»,—но вопросъ былъ въ томъ, утвердятъ ли его редакторомъ? Онъ принялъ журналъ, не дожидаясь официальнаго утвержденія, издалъ первыя три книжки 1845 года, и опять собралъ вокругъ себя лучшія литературныя силы (по крайней мѣрѣ своего лагеря), и опять работалъ съ жаромъ, помѣщая въ каждой книжкѣ по нѣскольку своихъ статей. Но разрѣшенія такъ и не удалось получить, а издавать журналъ, не будучи его полнымъ хозяиномъ, онъ не хотѣлъ, да это и невозможно. И вотъ онъ опять безъ дѣла, и снова его голосъ умолкаетъ на цѣлыхъ семь лѣтъ. Когда въ 1852 году славянофилы приступили къ изданію «Московского Сборника», Кирѣевскій написалъ для первой книги статью «О характерѣ просвѣщенія Европы»; но «Московский Сборникъ» былъ запрещенъ послѣ первой книги, и пяти главнымъ участникамъ его, въ томъ числѣ Кирѣевскому, было сдѣлано наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпныя и вредныя понятія и поставлено въ обязанность впредь представлять всѣ свои сочиненія непосредственно въ Главное управленіе цензуры, что тогда было равносильно запрещенію; кромѣ того, они, «какъ люди открыто неблагонамѣренныя», были взяты подъ гласный полицейскій надзоръ. Опять Кирѣевскій въ деревнѣ, опять четырёхлѣтнее молчаніе; «однакоже не теряю намѣренія написать, *когда будетъ можно писать*, курсъ философіи»,—писалъ онъ въ это время Кошелеву. Наконецъ, съ воцареніемъ Александра II, стало можно писать. Славянофилы тотчасъ приступили къ изданію новаго журнала—«Русской Бесѣды»: Кирѣевскій опять взялся за перо, и уже въ февралѣ 1856 года была готова его знаменитая статья «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». Эта статья должна

была быть лишь началомъ большого труда; но въ той же книжкѣ журнала, гдѣ она появилась, былъ напечатанъ уже и некрологъ Кирѣвскаго.

Таковъ былъ мартирологъ его общественной дѣятельности. Какъ страдалъ онъ въ долгіе годы вынужденнаго бездѣйствія, что переживалъ въ своемъ печальномъ долбинскомъ уединеніи, объ этомъ могли только догадываться близкіе къ нему люди. Онъ не жаловался и не проклиналъ; его гордая, цѣломудренная натура все принимала молча,—только на лицо его рано легла печать той тайной скорби, которую Герценъ сравнилъ съ печальнымъ покоемъ морской зыби надъ потонувшимъ кораблемъ. Кирѣвскій давно въ могилѣ, и его страданія принадлежатъ прошлому; уцѣлѣлъ лишь слѣдъ этихъ страданій на живомъ дѣлѣ, которому онъ служилъ и которое пережило его,—на его мысли, ставшей общимъ достояніемъ. Каковъ былъ этотъ слѣдъ, нетрудно понять. Это невольное бездѣйствіе должно было углубить мысль и вмѣстѣ дать ей неестественное направленіе. Нравственная энергія и вся работа ума, не имѣя выхода наружу, сосредоточивались внутри и шли прежде всего, какъ было естественно въ такомъ человѣкѣ, на выработку личнаго сознанія, на рѣшеніе для самого себя вѣчныхъ вопросовъ міропознанія и совѣсти. Когда же эта работа была вчернѣ закончена (потому что въ извѣстномъ возрастѣ человѣкъ находитъ себя въ сознаніи, и съ тѣхъ поръ, сознавая или нѣтъ, носитъ въ себѣ уже непоколебимыя рѣшенія этихъ вопросовъ) и Кирѣвскій попытался выношенную имъ въ одиночествѣ глубокую мысль примѣнить къ социальной жизни,—его умъ, никогда не имѣвшій случая близко соприкоснуться съ конкретной общественной дѣятельностью, легко соблазнился двумя-тремя невѣрными посылками и пошелъ по ложному пути. И

основной цѣнностью, которую онъ добылъ, и производной ошибкой, въ которую впалъ, Кирѣевскій былъ обязанъ историческимъ условіямъ своего времени. А затѣмъ жизнь распорядилась по своему: ошибка Кирѣевского сыграла громадную роль въ исторіи нашего общественнаго сознанія,—изъ нея вышло все славянофильство,—а мысль, въ которой вылилось все его существо, драгоценная и великая мысль, осталась втунѣ, незаконно использованная одними и незамѣченная или, можетъ быть, именно за эту ея невольную вину пренебреженная другими.

Что же это за мысль и каково ея происхожденіе? Всякая нравственная мысль неотдѣлима отъ личности, родившей ее, и можетъ быть изучена только въ процессѣ своего живого бытія. Такъ и мысль Кирѣевского можно разглядѣть только въ самой личности Кирѣевского.

II.

Послѣ смерти Кирѣевского одинъ монахъ выразился о немъ, что онъ былъ «весь душа и любовь». Эти слова кажутся неопредѣленными; между тѣмъ они содержатъ самую точную характеристику Кирѣевского. Природа надѣлила его однимъ талантомъ—и большимъ: талантомъ необыкновенно сложнаго, глубокаго, нѣжнаго чувства; въ основѣ онъ всегда жилъ по преимуществу, что называется, сердцемъ. Это была его врожденная особенность, но ее сильно питала и атмосфера его семьи. Онъ вышелъ изъ того гнѣзда, которое было, можно сказать, очагомъ романтическаго движенія въ Россіи. Его мать, Авдотью Петровну, по второму мужу Елагину, съ дѣтства связывала горячая дружба съ Жуковскимъ, и оба они, вмѣстѣ съ той далекой (въ Дерптѣ) Марьей Андреевной Мойеръ, которую такъ долго и безнадежно,

несмотря на взаимность, любилъ Жуковскій, составляли неразрывный сердечный триумvirатъ. Въ тѣсномъ взаимномъ общеніи, въ нѣжныхъ письмахъ, полныхъ неувядающей задушевности, они безъ аффектаціи, повинуваясь непосредственному влеченію, беззавѣтно культивировали чувствительность. Голосъ сердца былъ здѣсь и религіей, и фактической основой жизни. Въ этомъ кругу, котораго Жуковскій былъ душою и который взлелѣялъ его поэзію, былъ накопленъ огромный опытъ чувства, и внутренній слухъ, способный уловлять самыя тонкія и самыя сложныя переживанія собственной души, изощренъ до виртуозности. Жуковскій въ ранніе годы долго жилъ въ деревнѣ у Елагинной, и дѣтство Кирѣевского прошло отчасти подъ его прямымъ вліяніемъ; но и потомъ духъ Жуковского незаметно, какъ солнце, виталъ надъ ихъ семьей, опредѣляя вкусы, освящая суверенитетъ «души».

Кирѣевскій поѣхалъ за-границу въ 1830 году; онъ былъ, значитъ, уже не мальчикъ—ему шелъ двадцать-четвертый годъ. Его письма оттуда къ роднымъ дышали страстной и глубокой привязанностью къ нимъ. Намъ интересуетъ здѣсь не любовь его именно къ матери или къ брату, а самый характеръ его душевной жизни, эта необыкновенная напряженность и полнота чувства.

Онъ любитъ ихъ, любимыхъ, всѣхъ вмѣстѣ и каждого отдѣльно, до боли, до слезъ, до религіознаго обожанія. Вдали отъ нихъ онъ полонъ только ими; онъ пишетъ имъ изъ Берлина: «Вся моя жизнь, съ тѣхъ поръ какъ оставилъ Москву, была въ мысляхъ объ Москвѣ, въ разгадываніи того, что у васъ дѣлается». Ихъ письма онъ называетъ: «ваши милыя, святыя письма». Каждое письмо для него—событіе: «Наконецъ письмо отъ васъ! Я не умѣю выразить, что мнѣ получить письмо отъ васъ». Ему приснилось, какъ его провожали въ дорогу

и какъ сестра Маша держала его за руку и смотрѣла на него полными слезъ глазами,—и ему опять стало такъ же жаль ее, какъ въ день отъѣзда, «и все утро я сегодня плакалъ, какъ ребенокъ». Онъ умѣетъ находить слова, полныя удивительной теплоты. Онъ проситъ мать: «не горюйте обо мнѣ — *для меня*. Неужели мысль, что мнѣ хорошо, не можетъ замѣнить мое присутствіе? А мнѣ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы я могъ думать о васъ безъ тоскливаго, колючаго чувства». Мыслить о нихъ, лепѣять въ себѣ ихъ образы—это его лучшее богатство; онъ счастливъ самымъ ихъ существованіемъ, а передъ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности онъ преклоняется съ изумленіемъ, почти съ благоговѣніемъ. Читая письма сестры, онъ «живо, горячо, свято» понимаетъ «ея дѣтскую, неискусственную, ангельскую, чистую, прекрасную душу». О братѣ Петрѣ онъ не можетъ говорить безъ волненія: «Каждый поступокъ его, каждое слово въ его письмахъ обнаруживаютъ не твердость, не глубину души, не возвышенность, не любовь, а прямо величіе. И этого чело-вѣка мы называемъ братомъ и сыномъ!» — И другой разъ, съѣхавшись съ братомъ въ Мюнхенѣ, онъ до слезъ тронуть душевной красотой Петра: «Когда поймешь это все хорошенько, да вспомнишь, что между тысячами миллионъ именно его мнѣ досталось звать братомъ, какая-то судорога сожметъ и расширитъ сердце». Онъ уѣхалъ за границу съ намѣреніемъ прожить тамъ четыре года—и черезъ девять мѣсяцевъ, оборвавъ занятія, забывъ объ Италіи, куда онъ какъ разъ собирался, сломя голову скачетъ къ семьѣ, при первомъ извѣстіи о появленіи въ Москвѣ холеры. Такъ любитъ онъ всѣхъ, кого любить: и мать, и отчима-Елагина, и друзей своихъ—Кошелева, Рогожина. Такъ любилъ онъ и ту дѣвушку, къ которой неудачно по-